

DOI 10.17150/978-5-7253-3017-5.62

УДК94(571.5)

ББК 63.3(253)

*Р.В. ИЩЕНКО**В.В. СКРАЩУК**Д.Г. ЛЮСТРИЦКИЙ*

ИНДУСТРИАЛИЗАЦИЯ СИБИРИ: ЗАМЫСЕЛ, РЕАЛИЗАЦИЯ, ПОСЛЕДСТВИЯ*

Анализируются основные этапы промышленного освоения Сибири. Указывается на роль больших проектов, формируемых научным сообществом. Содержится обобщающая информация об индустриальном потенциале Иркутской области с конца XIX века.

Ключевые слова: промышленное развитие, наука, индустриальные центры.

*R. V. ISCHENKO**V. V. SKRASCHUK,**D. G. LYUSTRITSKY,*

INDUSTRIALIZATION OF SIBERIA: DESIGN, IMPLEMENTATION, CONSEQUENCES

The main stages of the industrial development of Siberia are analyzed. The role of large projects formed by the scientific community is indicated. It contains general information about the industrial potential of the Irkutsk region since the end of the 19th century.

Keywords: industrial development, science, industrial centers.

Индустриализация восточных районов началась на рубеже XIX-XX вв. В Сибири эти процессы стали возможны с началом железнодорожного строительства, которое обеспечило дешевые перевозки между Сибирью и европейской Россией, привлекло частный и государственный капитал. Транссибирская магистраль дала импульс промышленному развитию регионов (например, в Иркутской губернии добыча угля выросла в 35 раз).

Строительство Транссиба имело и другие последствия. С 1901 по 1905 г. в Сибири ежегодно засеивали хлебом по 3 660 тыс. дес., а в 1913 г. — уже 7105 тыс., валовые сборы зерна к 1909 г. выросли до 300 млн п. Этот избыток хлеба по железной дороге хлынул через Урал и вызвал панику на хлебном рынке России. Царское правительство ввело в

* Статья подготовлена Межрегиональным фондом поддержки стратегических инициатив «Байкальские стратегии» с использованием гранта Президента Российской Федерации, предоставленного Фондом президентских грантов.

качестве предохранительной меры «челябинский тарифный перелом»: оплата за провоз сибирского хлеба производилась по сумме платы за провоз от станции отправления до Челябинска и от Челябинска до станции назначения. Эта мера нанесла удар хлебной торговле Сибири, но хлебный поток продолжал расти. Проблемы с вывозом хлеба сильнее всего ударили по мелким производителям в отдаленных районах: крестьяне в Забайкалье отказывались засеивать землю, когда после особенно урожайных лет цена муки падала до 10-20 коп. за пуд.

Фабрично-заводская промышленность Сибири и Дальнего Востока в начале XX в. была представлена небольшими предприятиями различного плана. Индустриальные предприятия существовали в очень небольшом количестве. Они обслуживали нужды железнодорожного и водного транспорта, горнодобывающей промышленности, сельского хозяйства. В Восточной Сибири традиционно сохранялись кустарные районы с центром в Иркутске, за ним шли Красноярский, Минусинский и Ачинский округа Енисейской губернии. В годы Первой мировой войны в связи с ухудшением обеспечения товарного рынка промышленными изделиями еще более стали востребованы кустарно-ремесленные промыслы. Предпринимались попытки создать комплексы индустриальных производств военно-оборонного характера в годы империалистической войны, но не получили предполагаемого развития — например, несмотря на все усилия, так и не начал работу Николаевский металлургический завод.

В ситуации появления железной дороги необходимо отметить, что государство взяло на себя реализацию масштабного инфраструктурного проекта, тем самым открыв новые коридоры для предпринимательской энергии.

Удивительно щадящим образом по экономике Иркутской губернии прошла революция. Производственная база, за исключением железнодорожных инфраструктур, сильно не пострадала. Предприятия, остановившись во время гражданской войны, после довольно быстро развернули деятельность — в первую очередь благодаря Новой экономической политике (НЭП). Энергия частной инициативы вновь позволила быстро добиться результатов восстановления.

За время Гражданской войны промышленность Иркутской губернии резко сократила объем выпускаемой продукции. Разрушения производственных связей, нехватка топлива, перебои с продовольствием, военные действия, миграция управленческих и рабочих кадров привели к полной остановке в 1920 г. до 10 % предприятий.

Восстановление экономического потенциала тесно связано с введением Советами «Новой экономической политики». Бездействующие предприятия сдавались в аренду кооперативам, артелям и даже частным лицам. По данным промышленной переписи 1923 г., частному сек-

тору в Иркутской губернии принадлежало 76 % всех предприятий. Преимущественно это были мелкие предприятия кустарно-ремесленного типа, ориентированные на местный рынок.

Уже к середине 1923 г. — началу 1924 г. промышленность Приангарья перешла от спада и сокращения к медленному оживлению и росту, пусть и за счет текущего ремонта оборудования путем изъятия механизмов с бездействующих производств. К середине 1923 г. в Иркутской губернии действовало 64 ценовых предприятия и местная промышленность достигла 30-40 % от показателей 1917 г., а в отдельных отраслях — кожаной, солеварении, спичечном производстве — был достигнут уровень 90 % от 1917 г. Дольше всего продолжался спад в угольной промышленности, но и там положение к 1925-1926 гг. начало улучшаться.

С 1922 г. большевики начинают шаг за шагом восстанавливать роль государства в экономике. Государственные предприятия объединяются в производственные тресты, в области сбыта создаются синдикаты, подчиненные Высшему совету народного хозяйства РСФСР. К 1924 г. отношение государства к частной торговле меняется кардинально, буквально по всем направлениям начинается давление на нее, политика НЭПа сворачивается. К 1929 г. частная промышленность Приангарья практически полностью ликвидируется.

В XX веке особую роль в развитии Сибири и Байкальского региона сыграла Академия наук. В частности, Комиссия по изучению естественных производительных сил России (КЕПС), созданная в 1915 г. по инициативе академика В.И. Вернадского. КЕПС становится одним из ключевых органов, исследовавших новые возможности, открывающиеся в связи с появлением технологий нового поколения. В разные регионы страны (в том числе, в Сибирь) начали снаряжаться научные экспедиции, изучавшие условия для разворачивания промышленной базы новой технологической платформы.

После Октябрьской революции значимость этого органа стратегического планирования сразу же признали большевики. Комиссии дали зеленый свет, финансирование и расширили объем полномочий.

Заметим, что научная и организационная деятельность КЕПС имела исключительно большое значение для исследования минеральных ресурсов СССР, разработки научных основ решения проблем прикладного характера, выявления месторождений и использования минерального сырья. Впоследствии на ее базе был организован Совет по изучению производительных сил СССР (1930 г.), который осуществлял общее научно-организационное руководство деятельностью учреждений Академии Наук СССР в области изучения производительных сил, организовывал экспедиционные исследования, конференции и совещания,

посвященные развитию отдельных территорий и отраслей народного хозяйства.

В Иркутской губернии органы советской власти уже в течение 1920 г. провели полную национализацию промышленности, железнодорожного и водного транспорта, торговых заведений и коммунального хозяйства. Предприятия были разделены на три группы: на государственном снабжении, на «самоснабжении» и переданные в аренду.

Первый пятилетний план, принятый в 1925 г., включал всего 9 предприятий, в том числе рост добычи угля в Черемхово и увеличение производства на Иркутском и Ангарском лесозаводах на 300 %. В 1931 г. состоялась первая научно-практическая конференция по изучению производительных сил региона. Одной из самых важных стала тема переработки черемховского угля, в том числе в искусственное горючее. Место для строительства комбината между Иркутском и Тельмой, в центре будущего промышленного района, было определено уже тогда, но название Ангарск придумано в 1951 г. Вторым перспективным районом стал Илимский железорудный, для его освоения нужна была железная дорога до Братска и далее на север.

В 1929 г. в Иркутске на базе мелких обозных мастерских началось сооружение машиностроительного завода им. В.В. Куйбышева по производству машин и оборудования для золотодобывающей промышленности. Развивалась добыча угля, слюды и золота; вторым по объему производства металлургическим предприятием стал механический завод областного отдела местной промышленности, выпускавший запасные части для сельхозмашин и мельниц, чугунное литье. В 1930 г. начала работать швейная фабрика; легкая промышленность была представлена механической обувной фабрикой, трикотажной и валяльно-войлочными фабриками. В 1932 г. вышло постановление СНК СССР «О строительстве Байкало-Амурской железной дороги», по которому было создано Управление строительства БАМ, развернуты проектно-изыскательские работы и началось строительство. Во время второй пятилетки (1933–1937) основное внимание было направлено на механизацию и электрификацию производства, а также на развитие пищевой промышленности — начали работать мельничный и мясной комбинаты, механизированный хлебозавод, макаронная и чаепрессовочная фабрики.

В 1934 г. XVII съезд ВКП(б) принял решение о создании на Урале и в Сибири базовых отраслей индустрии — угольной, металлургической и тяжелого машиностроения. 31 января 1938 г. при Комитете обороны СССР создана военно-промышленная комиссия, которая должна была мобилизовать всю промышленность страны на производство новейшего

вооружения и средств обеспечения армии. Многие предприятия создавались как дублеры заводов, работавших в европейской части страны.

Показательна история Ангарского металлургического завода (1934–1958 г.), построенного в Свирске. Завод производил сырье для химического оружия на основе мышьяка, руду возили из Забайкалья по железной дороге, чистый мышьяк отправляли в Нижний Новгород (Дзержинск), а огарки, содержавшие золото и медь, — в город Ревда (Свердловская область). Оборонный завод строили в спешке, с нарушениями всех норм, а в 1958 г. бросили без консервации.

За 1928-1941 гг. в Иркутской области построено более 40 крупных и средних предприятий, предприятий местной промышленности и промкооперации. Построены авиационный завод (1934) в Иркутске, машиностроительные заводы в Черемхове и Усолье-Сибирском. Запущены слюдяные рудники на берегах рек Витим и Мама. Появились новые мощные шахты и угольные разрезы в Черембассе. Строительство новых предприятий, как и жилищное строительство, создало огромный спрос на строительные материалы — с 1931 по 1939 г. в Иркутске были построены 7 механизированных кирпичных и один шлакобетонный заводов.

Население Иркутска со 108 тыс. в 1926 г. выросло до 243 тыс. человек в 1940 г.; 59 % населения представляли работники промышленных предприятий. Первый централизованный водопровод начал работать в 1926 г. в предместье Свердловлово (Свердловский район), в 1941 г. заработал водопровод в центре города и предместье Марата. В 1935-1936 гг. был построен первый постоянный мост через Ангару.

Валовая продукция крупных промышленных предприятий за годы предвоенных пятилеток выросла в 11 раз, выработка электроэнергии увеличилась в 10 раз. В рамках Ангаро-Енисейского проекта выполнен большой объем научных исследований и проектных работ по комплексному освоению природных ресурсов. В 1937 г. организован БАМ-проектстрой в г. Иркутск, где в 1937-1942 гг. были составлены проектные задания и технические проекты по четырем участкам от Тайшета до Советской Гавани (порт Ванино). В 1938 г. началось строительство западного участка, а в 1939 г. — подготовительные работы на восточном участке.

Великая Отечественная война внесла свои коррективы в процессы развития региона, с одной стороны, отодвинув многие начинания и инициативы на более поздние периоды, а с другой стороны, став фактором резкого наращивания промышленных мощностей в регионе за счет эвакуированных предприятий.

В годы Великой Отечественной войны Иркутская область приняла около 10 эвакуированных строительных трестов и 22 крупных промыш-

ленных предприятия, в т. ч. Старо-Краматорский и Ново-Краматорский заводы тяжелого машиностроения, Московский авиационный завод. Эвакуация и восстановление производства на новом месте продолжалась до осени 1942 г.; за это время на Урал прибыли 830 предприятий, в Сибирь — более 400. В области было налажено производство свыше 50 различных изделий оборонного назначения (самолеты, танки, трактора, станки, приборы и другая высокотехнологичная продукция).

В довоенный период промышленный потенциал региона значительно возрос, можно говорить об индустриальном прорыве Сибири и переходе к развитому машиностроению.

Советское руководство прекрасно осознавало, что для проектирования сложных систем деятельности и разворачивания, как бы мы сегодня сказали, «национальных проектов», необходимо инвестировать серьезные средства и время в интеллектуальную работу, связанную с исследованиями, замысливанием и проектированием будущего результата. Первый научно-исследовательский съезд по изучению производительных сил региона прошел в Иркутске в 1931 г. и его следствием стали огромные перемены: за 16 лет в области были открыты 8 вузов, 26 техникумов, около 2 тыс. школ. Помимо уже известных месторождений угля, соли, золота и слюды были открыты десятки месторождений огнеупорных и керамических глин, гипса, стекольного песка, сырья для изготовления цемента, мрамора.

Иркутский облисполком в конце июля 1947 г. подвел итоги работы за семь лет. Государственная промышленность едва справилась с планом и дала в 1946 г. лишь 1,5 % роста. Местная топливная промышленность сдерживала рост всех других отраслей. Не выполняли поставленные задачи и предприятия, выпускавшие строительные материалы. В послевоенные годы в Иркутской области многие колхозы не проводили прополку картофельных полей и не вносили удобрения. Масличные культуры, которые выращивали в области, на месте не перерабатывали, а вывозили сырье в соседние регионы.

Более половины жилого фонда требовало немедленного капитального ремонта. За семь лет было введено 234 новых школы и всего их насчитывалось 1801, но в 1946 г. более 6 тыс. детей не посещали занятия. По распределению в школы отправляли по 450 учителей в год, но жить им было зачастую негде.

Безусловно, поворотным моментом в развитии Иркутской области в XX веке стала конференция по изучению производительных сил, на которой были собраны и спроектированы ключевые решения по развитию региона на следующие как минимум 40 лет.

С 4 по 11 августа 1947 г. в Иркутске состоялась вторая в истории СССР конференция по изучению производительных сил конкретного региона. Ключом ко всему будущему развитию представлялось возобнов-

ляемая энергия Ангары: река обещала промышленности десятки миллиардов кВт*ч электроэнергии. На базе уже известных месторождений область получала три промышленных направления: основная химия (на базе каменной соли Усолья-Сибирского), черная металлургия (на базе Илимского железорудного района) и строительные материалы. Допускалось создание предприятий по выпуску алюминия, магнезия, цинка, свинца и их сплавов.

Геологов, подходивших ко всем проблемам с мерилom государственной необходимости (обусловленной задачами обороны), не заботили никакие соображения экологического характера. О месторождениях нефти на Байкале, как и месторождениях молибдена, олова, вольфрама, цинка и свинца в Забайкалье, говорили лишь в одном ключе — насколько выгодно их немедленное освоение и строительство крупных предприятий. Список сырья, которым область должна была снабжать как минимум соседние регионы, выглядел так: слюда, соль, нефрит, железо, уголь, асбест, различные сорта глины.

Горно-геологическая секция начала работу с подготовки плана исследований, охватывающих пять районов, все более удаляющихся от железной дороги: Восточные Саяны, Тунгусский бассейн, Лено-Бодайбинский район, Байкальская и Витимо-Олекминская горные области. Академик Владимир Обручев, которого признавали «первым сибирским геологом», представил секции программную статью с готовыми задачами для Восточно-Сибирского геологического управления, геологических факультетов горного института и университета, а затем и для филиала Академии наук.

Измененная транспортная сеть требовала новые виды топлива и новую энергетическую схему, связанную со строительством ГЭС. Иркутская область с ее запасами источников энергии самой природой создана для размещения таких производств, в которых на рубль продукции требуется 3-5 киловатт энергии; только создание энергоемких производств позволит компенсировать малочисленность населения. Наличие энергии, себестоимость которой по предварительным расчетам должна была составить доли копейки за киловатт, оправдывало практически все остальные решения, включая транспортировку сырья за тысячи километров.

Опираясь на новую энергетику, за три пятилетки в области планировали создать предприятия органического синтеза, электрохимической и основной химической промышленности, наладить производство минеральных удобрений, пластмасс и синтетического волокна. Транспортная секция ориентировалась на речной транспорт и три имеющихся в области пароходства — Ангарское, Ленское и Байкало-Селенгинское. Первым же следствием строительства Байкальской ГЭС (получившей в

итоге название Иркутской) стала проблема переноса участка железной дороги Иркутск-Слюдянка с затопливаемого участка от Иркутска до Пор-та Байкал. Байкал рассматривался как главная транспортная артерия: береговая линия озера превышает 2000 км, а судоходство, захватывающее часть Ангары и Селенги, возможно на протяжении семи месяцев. Северную часть области предполагалось осваивать с использованием автотранспорта. Руководству области было предложено изучить передовой опыт организации автотранспорта Колымы.

В лесной отрасли было занято самое большое количество работников, а прибыли она давала меньше всех, да и использовалось в конечных изделиях всего 35–40 % кубометра. В химической промышленности лесное сырье практически не использовалось. К концу конференции ее участники пришли к мысли о строительстве нескольких целлюлозно-бумажных комбинатов, что и было выполнено в намеченные именно в 1947 г. сроки.

Участники сельскохозяйственной секции призывали областные власти не увлекаться выращиванием зерновых культур — для этого в СССР были более благополучные по климату регионы, а сосредоточиться на мясомолочном скотоводстве. Это было оправдано: на получение продукции стоимостью 1 млн руб. в растениеводстве области требовалось 400 дней, а в скотоводстве — всего 100.

Академик Л. Шевяков в итоговом выступлении выстроил задачи в четкой последовательности: ГЭС, топливо на основе местных углей (с переходом к открытым работам), транспорт. Параллельно — геологоразведка с применением аэрофотосъемки, машиностроение (шахтное оборудование), лесная промышленность и строительные материалы.

Конференция стала уникальным событием в исторической судьбе региона, заложившим основной импульс развития на вторую половину XX века.

Началась эпоха больших строек. Амбициозность замысленного оказалась настолько высока, что существующая система управления была не в состоянии качественно «переварить» все поставленные задачи. Реализация сопровождалась постоянными перекосами в ту или иную сторону. Что-то строилось и вводилось с рекордной скоростью, и ценой за это, как правило, становились грубейшие нарушения технологии, несоизмеримые затраты, перенапряжение людей. А что-то, наоборот, затягивалось, выходило за границы нормативных сроков, что так же приводило к сбоям в общей системе разворачивания всего проекта освоения. Также в ситуации погони за результатом были проигнорированы экологическая и социальная рамки, что через шаг стало причиной возникновения серьезных проблем.

Через 11 лет, в 1958 г., была собрана вторая конференция по развитию производительных сил. Первые годы реализации замысленного дали объемный материал для анализа. На практике начали проверяться и корректироваться многие гипотезы и решения. Полученный опыт требовал осмысления и проработки.

Вторая конференция по развитию производительных сил прошла 18-27 августа 1958 г. Накануне областные власти организовали 11-15 августа региональное совещание на ту же тему. Первый секретарь обкома КПСС С. Щетинин констатировал успехи гидростроителей и отставание других отраслей — лесное хозяйство теряло на вывозе круглого леса более 650 млн руб. в год. Ситуация могла быть лучше, если бы железная дорога вывозила все заготовленное, но железнодорожники не справлялись со своими задачами. Тема производства пластмасс и развития химии на базе переработки лесного сырья, нефти и соли также считалась запущенной.

Не справлялась с поставленными задачами геологоразведка, заводы по производству строительных материалов (выпускали в 3 раза меньше, чем требовалось, кирпича и сборного железобетона), медленно продвигалось проектирование железной дороги Тайшет-Лена. Ни один из заявленных планов не был реализован собственными кадрами — региону постоянно требовался приток рабочих рук, а его тормозило отсутствие жилья и даже перспектив его строительства.

Несмотря на участие в работе конференции 2,8 тыс. человек, никаких прорывных решений она не приняла. Предложения и проекты московских ученых все чаще наталкивались на возражения строителей и руководителей, получивших практический опыт на строительстве Иркутской и Братской ГЭС. ВСФ АН за 11 лет развернул множество исследовательских программ, однако результаты не удовлетворяли ни ученых, ни практиков. Заявления об открытии месторождений, пригодных для производства алюминия, титана, вольфрама и других металлов, все чаще не оправдывались. Заявленные учеными «огромные месторождения железных руд, общие запасы которых исчисляются в 15 миллиардов тонн», на Байкале никогда не осваивались.

Темпы и масштабы строительства и ввода предприятий были бы невозможны без тщательно выстроенной системы обеспечения кадрами. Во второй половине XX в. население Иркутской области выросло более чем на 1,5 млн человек, более чем в два раза. Государство обеспечило привлекательные материальные условия, мотивирующие молодежь со всей страны переезжать жить и работать в Сибирь. Так называемый «длинный рубль» и романтика освоения срывали с насиженных мест людей из разных регионов центральной России. Система вузовского распределения также вносила свой вклад в рост численности населения и обеспечения кадрами проекта освоения территории.

Существенный процент трудовых ресурсов обеспечивался за счет мощной системы спецучреждений (колоний и тюрем), специально организованных при основных площадках строительства и освоения. С конца 1940-х по начало 1960-х гг. заключенные Исправительно-трудовых лагерей принимали непосредственное участие в освоении и промышленном развитии Иркутской области.

Строительство в 1960-1970-х гг. наращивало масштаб, заложенный в решениях 1958 и 1974 гг. К началу 1980-х гг. разворачивание промышленной экспансии на территории области практически прекратилось. С одной стороны, были исчерпаны ресурсы экстенсивного развития, а с другой стороны, стали рельефно проявляться диспропорции, заложенные в исходных замыслах. Социальная неустроенность и тяжелые условия труда уже в 1970-х запустили процессы оттока населения. Запор комсомольскихстроек стал сменяться раздражением и недовольством.

Братский алюминиевый завод (начало строительства в 1961 г., первый алюминий в 1966 г.) был построен еще в темпах военного времени: за рекордно короткие сроки и даже при соблюдении сроков поставки оборудования. Высокий спрос на алюминий привел к тому, что корпуса второй и следующих очередей вводились за 6 месяцев вместо нормативных 36. Братский лесопромышленный комплекс (первая очередь 1958-1965 гг.) был построен с откровенными нарушениями технологии и долгое время не мог обеспечить достойное качество продукции. Но даже возведенные мощности не были обеспечены сырьем на протяжении 20 лет. Тем не менее, в СССР с 1974 года именно БЛПК выпускал 10 % целлюлозы, 70 % корда, 8 % картона для тары, более 26 % древесноволокнистых плит для строительства.

Новую жизнь в Ангарский нефтехимический комбинат вдохнуло строительство в 1956-1960 гг. нефтепровода Омск-Ангарск. До этого момента комбинат производил всего 5 видов продукции на привозном сырье, к 1985 г. ассортимент вырос до 255 видов. Просьбы Иркутского обкома КПСС по строительству продолжения нефтепровода до Иркутска и далее на восток страны остались неудовлетворенными.

Параллельно с переработкой увеличивалась энергетическая база (ТЭЦ-1, самая большая в Иркутской области по тепловой мощности ТЭЦ-9 и самая большая по электрической мощности ТЭЦ-10) и параллельные производства – выпуск кормовых белков на основе парафинов нефти. На военную мощь страны работал и Ангарский электролизно-химический комбинат, который занимался обогащением урана. Нужды строительства АНХК, АЭХК и других предприятий области обеспечивал Ангарский цементно-горный комбинат. Все производства так или иначе были связаны с обороноспособностью страны. Почти все произведенное ими являлось полуфабрикатами, не имеющими рынка сбыта за пределами СССР.

«Большую химию» Ангарска дополняли химические заводы и комбинаты Усоля-Сибирского: объединение «Химпром» (ввод в эксплуатацию первых установок — 1961 г.), химико-фармацевтический комбинат (начало строительства — 1966 г., первая продукция — 1970 г.), фанерно-спичечный комбинат. В Зиминском районе на базе местного месторождения соли и этилена из Ангарска построен химический комбинат «Саянскимпром» и город Саянск (начало строительства 1970 г., статус города — 1985). Саянск вырос с 10 до 40 тыс. жителей, из которых более 5 тыс. человек работали на одном предприятии, всего за 10 лет.

Иркутск оставался крупным промышленным центром за счет модернизации Иркутского авиационного завода и завода тяжелого машиностроения, строительства Ново-Иркутской ТЭЦ, радиозавода, завода «Эталон», предприятий пищевой и легкой промышленности. Благодаря формированию Иркутского научного центра СО РАН и расширению уже имевшихся с 1930-х гг. вузов, город сохранял свое значение как крупного регионального научного и образовательного центра.

Уже в начале XX века проектировщики рассматривали возможность строительства в Сибири и на Дальнем Востоке второй железнодорожной линии, параллельной Транссибу. После того, как большинство ГЭС в Сибири были построены без шлюзов, пригодных для перевалки речного транспорта, значение железной дороги выросло еще больше. Изыскательские работы на трассе заняли еще семь лет (1967-1974), а в апреле 1974 г. БАМ был объявлен ударной комсомольской стройкой. Общая протяженность на участке от Усть-Кута до Советской гавани составляла 4300 км, что на 500 км короче Транссиба, однако строительство велось в необжитых местах и по разным технологиям. На западном участке БАМа были высажены девять десантов, которые строили поселки и размечали будущую трассу; восточный участок строили военные железнодорожники министерства обороны СССР.

Отличия в подходах сказались сразу: западный участок в районе Северобайкальска был построен на год раньше срока и с экономией в 35 млн руб., восточный участок продвигался по старым методикам — постепенно, от станции к станции. Все участники стройки отмечали, что в отличие от строительства ГЭС или крупных промышленных комплексов (Братского или Усть-Илимского), БАМ изначально не предусматривал долгосрочное проживание людей. Не выделялись средства на строительство школ и больниц, благоустройство поселков и даже городов. Многие начальники участков строительства и трестов шли на нарушения и строили необходимое для нормального проживания на экономные средства.

Считается, что именно на БАМе произошел окончательный отказ от традиционного для Сибири стиля «волевого управления»: инициатив-

ные руководители не получали повышения, их постепенно заменили осторожные, пусть и не принимавшие непосредственного участия в работе кабинетные начальники. Окончательно новый стиль воцарился в 1983-1984 гг., что привело к значительному затягиванию сроков строительства и снижению качества.

Суммарно БАМ оценивают в 17-19 млрд руб., что считается рекордным вложением СССР в один инфраструктурный проект. Формально оба участка магистрали соединились 1 октября 1984 г., когда было уложено «золотое звено».

Уникальным мероприятием, продолжающим серию конференций по развитию производительных сил (другими словами, конференций, проектирующих процессы освоения Прибайкалья), стала Байкальская экспертиза, проведенная в 1988 г. Организацию содержательной работы обеспечила группа представителей системо-мыследеятельностной методологии Георгия Петровича Щедровицкого — движения интеллектуалов, использующих инновационные методы организации интеллектуальной работы, разработанные в Советском Союзе и существенно опережающие аналогичные разработки в других странах мира. На переломе эпох, в ситуации, когда уже в полной мере проявились «дефекты» проектирования предыдущего этапа, в первую очередь социальные и экологические, в течение 17 дней более 300 человек — руководителей, ученых, общественных деятелей и специалистов различных сфер из Иркутской области и Бурятии, — обсуждали результаты реализации проектов освоения второй половины XX века, а также наиболее острые проблемы, сформировавшиеся к тому времени. Но последующая, буквально следом, катастрофа в виде распада Советского Союза обнулила все планы и инициативы.

Если первый, дореволюционный этап индустриального освоения разворачивался в логике взаимодействия государства и предпринимателя, то, как мы видим, с приходом Советской власти предпринимательские функции полностью сконцентрировались в руках государства. Государство стало главным актором развития, определяющим его логику и темп. С одной стороны, это позволило сконцентрировать беспрецедентные ресурсы и проинвестировать их в развитие Приангарья, добившись масштабных результатов. С другой стороны, государство — это актор, который хорошо видит «большое» с расстояния своего масштаба, но плохо видит детали на местах, допуская немало ошибок, сыгравших впоследствии печальную роль.

Другим немаловажным фактором, определяющим логику освоения, являлась административная централизация. В отношениях «регион—центр» управленческая воля была сконцентрирована в Москве. Несмотря на участие региональных руководителей и специалистов в проек-

тировании замысла большого ПРОЕКТА, ключевые управленческие решения принимались в Москве.

Например, на рубеже 1960-1970-х гг. при формировании плана девятой пятилетки началась подготовка к освоению нефтегазовых месторождений Западной Сибири, что привело к радикальному изменению структуры топливно-энергетического баланса в пользу нефти и газа. Иркутская область в этой концепции ушла на второй план, объем внимания и ресурсов от центра резко сместился в пользу Западной Сибири. Еще одна попытка вернуться к комплексному освоению природных ресурсов области была предпринята 13 октября 1983 г. в письме Иркутского обкома КПСС на имя председателя Госплана СССР Н.К. Байбакова. Обком предлагал вернуться к вопросам о строительстве на территории области в 1986-1990 гг. Усть-Илимского алюминиевого завода, Тайшетского электрометаллургического завода, железнодорожных линий Усть-Кут–Киренск–Непа и Усть-Илимск–Нерюнда. В итоге был получен отказ со ссылкой на отсутствие средств на новое строительство.

Руководство области постоянно сталкивалось с недовольством населения качеством одежды и обуви, дефицитом продуктов питания, низкой обеспеченностью жильем и любыми товарами народного потребления. «Временные» решения, принятые в период экстенсивного развития области, продолжают сказываться и в XXI в.: до сих пор не построен автомобильный и железнодорожный мост в Братске; значительную часть жилого фонда составляет временное жилье, не ликвидирован накопленный экологический ущерб.

Сельское хозяйство Иркутской области в последние десятилетия советской власти хотя и выросло до максимальных размеров, все-таки оставалось второстепенным явлением на фоне промышленности. Растущие города создавали огромный спрос на любую продукцию, но в то же время работали как «демографический насос», вытягивающий из сельской местности значительную часть молодежи. Население области с конца 1940 до 1985 гг. увеличилось в 2,5-2,7 раза (до 2,7 млн человек), но на 81 % это было городское население. Значительная часть этого населения была сибиряками в первом поколении, приехавшими на различные стройки «в погоне за длинным рублем», жильем и другими благами. Как только завершились крупные проекты и связанные с ними бонусы, сократился и миграционный приток, который тут же обернулся оттоком.

В заключение можно сказать, что индустриализация в Сибири носила догоняющий характер, преследовала оборонные цели и цели первичного освоения природных ресурсов. Эпоха индустриализации породила небывалые изменения в социальной организации, культуре и быте сибиряков, вытаскив регион на фронт мирного развития. Но за это была заплачена высокая цена в виде социальных и экологических проблем,

разрушенных традиции местного самоуправления, потери накопленной в XVIII-XIX вв. субъектности. Все это вылилось в сегодняшние риски опустынивания территорий.

400 лет освоения Сибири и Байкальского региона открывают перед нами уникальную историческую картину, демонстрирующую поразительный масштаб деятельности наших соотечественников, включая высокий уровень эффективности и конкурентоспособности, позволивший заселить и освоить такую гигантскую территорию.

Все этапы пройденного пути прошиты особой логикой взаимодействия духа авантюризма и предпринимательства с фундаментом государственной машины, обеспечивающей ключевые «коридоры» и условия для движения вперед. Очевидно, что правильно построенное разделение труда между государством и тем, кто идет вперед, открывая «новые земли», является принципиальным условием успеха в этом сложном и рисковом деле.

При этом необходимо отметить, что относительно мировых процессов, особенно технологического развития и складывания новых технологических платформ, Сибирь во многом была и пока остается сугубо отстающим, иногда догоняющим регионом. И инициатором этого развития, как правило, является центральная власть. Вопросы развития региона невозможно ставить вне контекста повестки всей страны и без обеспечения центром необходимого уровня институциональных, инфраструктурных и интеллектуальных инвестиций. Сам по себе регион вряд ли может являться самостоятельным Субъектом мировых процессов и адекватно отвечать на вызовы современности. Но и с другой стороны, как показывает историческая практика, центр не всегда в состоянии учитывать тонкости региональных ситуаций и возможных перспектив развития. И наличие на местах сильных коллективных субъектов, способных совместно с центром формировать и реализовывать стратегическую повестку, значимо повышает качество управления и стратегической эффективности. Как показывают исторические примеры, тот же Михаил Сперанский, являвшийся представителем воли центра, во многом сформировал проект новой системы управления Сибирью, в том числе, на основе практик самоорганизации, наработанных иркутским купечеством в делах управления Иркутском.

Возможно, сегодня приходит время, когда региону необходимо становиться не просто технической площадкой реализации замысленных центром проектов развития, но и полноценным партнером в этой работе.

Здесь не менее важна роль интеллектуальных инвестиций, продемонстрированная на историческом материале. Например, исследования и промысливание ПРОЕКТА 1947 г. началось за 30 лет до его сборки, с началом основания КЕПСа. Да и в более ранние эпохи предприниматели проводили большую работу по подготовке к своим экспедициям и

иным проектам. И сам русский язык нам намекает, что без Мысли «промысловика» или «промышленника» не бывает. Это всегда человек с Мышлением, поскольку, только промыслив и качественно спроектировав будущее предприятие (читай и как глагол, и как существительное) можно добиться необходимого результата.

Интересна и еще одна особенность. В каждой эпохе с начала освоения были свои вызовы и свои ПРОЕКТЫ как ответы на эти вызовы. Знаменитый английский историк Арнольд Тойнби говорил о том, что именно вызов и сформированный на него ответ являются приводными механизмами развития цивилизации.

В XVII-XVIII вв. ответом стал ПРОЕКТ присоединения новых земель. В XVIII-XIX вв. — ПРОЕКТ межконтинентальной торговли и лучший в Сибири европейский город — Иркутск. В XIX-XX вв. — ПРОЕКТ индустриализации. Во многом проекты символически и не только совпадают с эпохами становления соответствующих мировых технологических платформ. И на всех этапах они зачерпывали энергию всей страны, привлекая население и особенно молодежь. Исторический вызов вел миллионы людей, определяя их жизненный выбор.

Каким может быть этот шаг? Страна и регион могут сказать себе, что на Байкале должен появиться новый ПРОЕКТ, новая «стройка века», куда захотят поехать люди со всего мира. Но не стройка в смысле строительства зданий или заводов, точнее, не только строительства зданий или заводов, а стройка в смысле строительства новой жизни, вступающей в новый технологический уклад. Должна быть построена «новая реальность» с новыми экологическими технологиями, внедренными на нашей «чувствительной» природной территории, университетами нового типа, искусственным интеллектом, блокчейном и новыми формами организации на его основе, биотехнологиями и высококлассным инжинирингом, уникальными историческими кварталами и ультрасовременными городскими технологическими решениями. Россия должна продемонстрировать миру способность создавать принципиально новые форматы жизни.

И, наверное, уже пора отказаться от слова «освоение». Нужно перестать регион осваивать, нужно начать в нем жить.

Список использованной литературы

1. Агеев А. Д. Американский «фронт» и «сибирский рубеж» как факторы цивилизационного разлома / А. Д. Агеев // Американский и сибирский фронт. — Вып. 2. — Томск : Изд-во Том. ун-та, 1997. — С. 30–36.

2. Агеев А. Д. Сибирь и американский Запад: движение фронтов / А. Д. Агеев // Библиотека РСМД. — URL: <http://www.twirpx.com/file/220273> (дата обращения: 20.02.2020)

3. Афанасьев О. В. Принудительный труд в индустриальном освоении Иркутской области в конце 1940 — начале 1960-х гг. / О. В. Афанасьев // Историко-экономические исследования. — 2009. — Т. 10, № 1. — С. 53–60.
4. Дамешек Л. М. Сибирь в составе Российской империи / Л. М. Дамешек. — Москва : Новое литературное обозрение, 2007. — 368 с.
5. Единархова Н. Е. О чае и чайной торговле / Н. Е. Единархова // Земля Иркутская. — 1996. — № 5. — С. 16–18.
6. Иркутский край. Четыре века: История Иркутской губернии (области) XVII–XXI вв. / А. В. Гимельштейн, Л. М. Дамешек, Ю. А. Зуляр, С. И. Кузнецов, Ю. А. Петрушин, В. П. Шахеров и др. / гл. ред. проф. Л. М. Дамешек. — Иркутск : Востсибкнига, 2012. — 880 с.
7. Окунь С. Б. Российско-американская компания / С. Б. Окунь. — Москва ; Ленинград : Соцэкгиз, 1939. — 259 с.
8. Резун Д. Я. О некоторых моментах осмысления значения фронта Сибири и Америки в современной отечественной историографии / Д. Я. Резун // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное : сб. ст. — Новосибирск : Изд-во НИИ дискретной математики и информатики, 2001. — С. 29–53.
9. Резун Д. Я. Сибирь, конец XVI — начало XX в.: фронт в контексте этно-социальных и этнокультурных процессов / Д. Я. Резун, М. В. Шиловский. — Новосибирск, 2005. — URL: <http://www.sibistorik.narod.ru/project/frontier/> (дата обращения: 23.01.2020)
10. Ремнев А. В. Россия Дальнего Востока. Имперская география власти XIX — начала XX веков / А. В. Ремнев. — Омск : Изд-во Омск. гос. ун-та, 2004. — 552 с.
11. Старцев А. В. История предпринимательства в Сибири (XVII — начало XX в.) / А. В. Старцев, Ю. М. Гончаров. — Барнаул : Изд-во Алт. ун-та, 1999. — 215 с.
12. Урожаева Т. П. Миграция и адаптационные процессы в новых городах Иркутской области в 1970–1980-е гг. : дис. ... канд. ист. наук : 07.00.02 / Т. П. Урожаева. — Иркутск, 2013. — 295 с.
13. Фильшин Г. И. Диалоги о Сибири: Публицистический сборник: Разговор о проблемах экологии, нравственности, экономики, социальной жизни сибиряков / Г. И. Фильшин, Р. К. Салаяев, В. Г. Распутин и др. — Иркутск : Восточно-Сибирское книжное издательство, 1988. — 208 с.
14. Чехов А. П. Остров Сахалин: (Из путевых записок) / А. П. Чехов // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем. Т. 14/15. Из Сибири. Остров Сахалин. 1889–1895. — Москва : Наука, 1976. — 372 с.
15. Шахеров В. П. Иркутск купеческий. История города в лицах и судьбах / В. П. Шахеров. — Хабаровск : Приамурские ведомости, 2006. — 176 с.
16. Шинкарев Л. И. Второй Транссиб: Новый этап освоения восточных районов СССР / Л. И. Шинкарев. — 2-е изд., доп. — Москва : Политиздат, 1979. — 287 с.
17. Щедровицкий П. Г. Три индустриализации России / П. Г. Щедровицкий. — Москва : Terra Fantastica, 2018. — 152 с.

Информация об авторах

Ищенко Роман Владимирович — соучредитель и член Совета общественной организации «Интеллектуальный деловой клуб “Байкальские стратегии”», Председатель Иркутского регионального отделения Общероссийской общественной организации «Деловая Россия».

Скращук Владимир Владимирович — журналист, редактор альманаха «Прогулки по старому Иркутску», автор работ по истории иркутского самиздата.

Люстрицкий Дмитрий Георгиевич — журналист, доцент кафедры журналистики и медиа-менеджмента Иркутского государственного университета.

Authors

Roman V. Ischenko — co-founder and member of the Council of the public organization «Intellectual business club “Baikal strategies”», Chairman of the Irkutsk regional branch of the all-Russian public organization «Business Russia».

Vladimir V. Skraschuk — journalist, editor of the almanac «Walking in old Irkutsk», author of works on the history of Irkutsk samizdat.

Dmitry G. Lyustritsky — journalist, associate Professor of the Department of journalism and media management of Irkutsk state University.